

18+

Михаил Иванченко

МАТЬ Севера

ПОВЕСТЬ

Михаил Иванченко

Мать Севера

<https://litres.ru/74543377>

ISBN 9785007130585

Аннотация

После расставания и продажи бизнеса герой встречается женщину, с которой можно молчать и срываться с места одним словом. Вместе с ней и таксой Фродо он едет на Русский Север — за старой иконой Архангела Михаила. Но дорога через монастыри, леса и реки перестаёт быть просто маршрутом: случайности складываются в знаки, а Север открывается как живое пространство со своей памятью и волей.

Повесть о любви, внутреннем переходе и чуде, которое нельзя присвоить.

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать на мой Север	5
Глава 2. Тамара — Фродо — Маша	16
Часть 1. Тамара	17
Часть 2. Архангел	23
Часть 3. Фродо и Маша	26
Глава 3. Икона — Карта — Выезд	31
Часть 1. Икона	31
Часть 2. Карта	36
Часть 3. Выезд	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мать Севера

Михаил Иванченко

© Михаил Иванченко, 2026

ISBN 978-5-0071-3058-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящения

Памяти Виктора Осипова — философа и игрока с жизнью, вдохновившего меня на многие волшебные путешествия

Памяти Елены Сергеевны Красиной — моего учителя медитации, открывшей мне новые измерения мира

Благодарности

Екатерине Б. — за помощь в работе над «Песнью».

Алёне Гудковой — за её книги серии «Русский Север».

Дарье Воиновой, Сергею Юдину и Сергею Будаеву — за комментарии и поддержку.

Фродо — за то, что он есть.

И Маше — кем бы и где бы она ни была.

Глава 1. Добро пожаловать на мой Север

Мы были в дороге третий день.

За спиной осталось Белозерье — Ферапонтово, озеро, фрески и странное чувство: нас позвали, но до конца не впустили. Впереди тянуло слово «Архангельск» — холодное, огромное, как звезда над дорогой.

За окном автомобиля майский дождь перематывал мир в серую пряжу. Мы были в дороге с раннего утра уже пятый час, и именно это утро тянулось отдельно, как новая нитка. Устали, конечно. Нас держали горячий чай, печка и то редкое дорожное согласие, когда можно долго молчать рядом и не чувствовать пустоты.

В машине то играла музыка, то шли аудиокниги — слова и голоса сплетались с шумом шин и дождя. Фродо дремал на заднем сиденье, иногда поднимал голову и тыкался мордой в Машин локоть, проверяя, всё ли стадо на месте.

Вокруг тянулись северные леса: тёмные, плотные, не сторожевые даже, а хозяйские.

К обеду среди дождя замелькали редкие снежинки. Вскоре на стекло уже сыпалась белая северная крупа — почти невозможная после московской весны.

Мы остановились у придорожного кафе с простым назва-

нием «Вель» — уже где-то за Вологдой, там, где посёлки редуют, а лес подходит к трассе ближе, чем на картах.

Тогда это слово ничего мне не сказало.

После обеда — котлет, пюре, привычной дорожной еды — мы вышли размяться. Маша ушла вперёд, к узкой речушке, а я с Фродо пошёл в сторону сосновой рощи. Прошлогодняя трава у обочины доходила ему до груди; крупа оседала на жёсткой бородке, и он то и дело фыркал, стряхивая её.

Маша вернулась с покрасневшими от холода пальцами. Мы уже собирались идти обратно к кафе, когда я заметил дорогу, уходящую вдоль леса. В конце её виднелись дома.

Странно: когда мы проезжали здесь на машине, я этого поворота не видел. Словно он появился позже. Или позволил себя заметить только теперь.

Снег пошёл легче. Он падал белыми овсяными хлопьями, медленно кружась под скрип сосен и протяжный голос ветра. Ложился на зелёный мох под вековыми деревьями, выбеливал песчаную дорогу и опускался нам на плечи белой шалью.

Улица — семь или восемь домов. Самый край леса. Сосны здесь были необычно большими — в два, а то и в три обхвата. Из труб поднимался дым, пахнувший живицей и печным теплом.

Я остановился и вслушался в тишину.

В ней было что-то правильное и исконное.

Сзади и слева, совсем близко, раздался крик ворона. Я обернулся: под высокими макушками сосен, где редкое солн-

це зацепилось за снежные иглы, кружил большой ворон. В первый миг мне показалось, что он белый: свет бил в край крыла и распахивал вокруг него тонкое сияние.

Я сморгнул — нет, чёрный.

Цвета вспаханной весенней земли.

Я стоял несколько минут с задранной головой и любовался его полётом. Когда ворон скрылся за соснами, я опустил голову и повернулся обратно — и впервые увидел Её.

Она была высокой — выше любого из нас, но всё ещё человеческого роста. И всё-таки казалась ростом с лес. Чёрная коса с лёгкой проседью спускалась ниже пояса. На ней были серая фуфайка-жилетка и толстый коричневый вязаный свитер, расшитый узорами лесных трав и ветвей. На ногах — кожаные мокасины поверх валяных сапог.

В левой руке она держала трубку, от которой поднималась тонкая струйка дыма — не табачного. Он пах смолой, хвоей и чем-то тёплым и горьковатым, как костёр, разведённый на старом месте.

Дым не поднимался вверх.

Он растворялся в воздухе, становясь частью снега и света. Но главное было её лицо.

Возраст по нему не угадывался. Глядя на неё, невозможно было представить ни юность, ни старость — только неизменность. Спокойное, красивое, с глубокими карими глазами, чёрными бровями и тихой, доброжелательной полуулыбкой, в которой не было ни приглашения, ни угрозы, только ров-

ная тишина и достоинство.

Женщина стояла у самого края леса и смотрела на нас.

Я успел заметить снег на её плечах, дым у трубки — и только потом понял, что мы давно молчим. Её губы не шевелились. Но мы понимали: с нами говорят.

Она приветствовала нас в своих краях.

И предлагала... я не могу точно сформулировать, что именно. Под ногами виделась дорога — светлая, безопасная, радостная, — а над ней лежал покров из можжевельных и еловых ветвей, напитанных солнцем.

Только тогда мы разглядели: под её рукой стояла молодая косуля. На плече сидел ворон. Тот самый, что кружил надо мной? А за её спиной, вырезанный из тьмы и снега, застыл огромный лось. Его ветвистые рога образовывали гигантскую корону над её головой.

— Добро пожаловать на мой Север, — сказала она.

Мы почти одновременно склонили головы, не успев ни переглянуться, ни договориться. Я хотел что-то сказать, но слова не шли. Я протянул к ней руку.

Она молча покачала головой.

— Мы с вами ещё увидимся. Позже.

— Кто вы? — тихо спросила Маша у меня за спиной.

— Мать Севера, — ответила она.

И не исчезла — а рассыпалась в белом свете, в сосновых иглах, в лесной тишине.

Так Север перестал быть направлением и стал присутстви-

ем.

Мы ещё стояли на крайней улице и не могли сразу двинуться. Мокрый майский снег продолжал падать как ни в чём не бывало: садился на рукава, на капюшон Маши, на чёрную спину Фродо. Фродо перестал тянуть поводок и только тихо водил носом из стороны в сторону, разбирая воздух по ниточкам: хвоя, дым, снег, зверь, женщина, лес — и ещё что-то, чему в собачьем мире, кажется, нет отдельного слова. Хотя нет — в собачьем наверняка есть.

Маша первой посмотрела на опустевший край леса.

Следов не было.

Ни углублений от мокасин, ни тонких следов косули, ни тяжёлых провалов от лосиных копыт. Снег лежал ровно, будто выпал не с неба, а был положен туда заранее. Лес подтянул на себе белое покрывало и разгладил складки.

Зато наши следы были.

Мои ботинки. Ботинки Маши. Фродовы отпечатки рассыпались по снегу — суетливые, земные, честные. На одном месте он поскользнулся, и когти прочертили четыре короткие смешные черты.

Этот маленький собачий росчерк вернул мне дыхание.

— Тут нет следов, — сказала Маша.

Голос у неё вышел тихим, с хрипотцой, будто слова долго стояли в горле и наконец решились выйти.

— Наши есть, — сказал я.

Маша кивнула.

— В том-то и дело.

Из ближайшей трубы шёл серый дым. Пахло печкой, картошкой, мокрым деревом. В одном окне за занавеской мелькнул чей-то силуэт, и от этого стало легче: где-то совсем рядом люди жили своей жизнью, не подозревая, что у края их улицы только что стояла женщина ростом с лес.

Я нащупал в кармане телефон.

Большой палец сам лёг на кнопку, экран холодно вспыхнул в ладони. Хотелось зафиксировать хоть что-нибудь: пустой снег, дорогу, край леса.

Маша посмотрела на экран и медленно покачала головой.

Ещё секунду я помедлил, кивнул и убрал телефон обратно в карман — машинку для перевода живого в мёртвое.

Фродо встряхнулся. Снег полетел с него мелкой крупой, попал мне на штаны и в ботинок.

— Спасибо, друг, — сказал я.

Он посмотрел на меня с видом существа, которое не отвечает за лесных женщин, зато отвечает за то, чтобы ни один здешний куст не остался необнюханным.

Я присел и потрогал ему лапы.

— Не набилось?

Маша наклонилась посмотреть, и Фродо, воспользовавшись моментом, ткнулся носом ей в подбородок. Она поморщилась, но не отстранилась.

После любого необъяснимого события кто-то должен проверить лапы собаки.

Мы пошли назад.

Улица была короткой, но на обратном пути почему-то вытянулась. Дома молчали. На одном крыльце мокли половники, на другом стояла связка лыжных палок, у третьего под навесом лежали дрова, укрытые старым линолеумом.

Ничего сверхъестественного. Обычная северная окраина. И всё же лес шёл рядом.

Не позади домов, не дальше по склону, а совсем рядом — как большое животное за невысокой изгородью. Сосны почти не качались. Только иногда с верхних веток ссыпался снег, и в тишине слышался мягкий вздох, словно лес шевелился во сне.

Фродо немедленно дёрнул к мокрой траве у канавы, и все мои большие мысли посыпались в снег вместе с равновесием. Я удержался только потому, что Маша поймала меня за рукав. Она тихо фыркнула, глядя, как я пытаюсь устоять.

— Фродо, похоже, считает, что мне вредно думать о высоком, — сказал я, оправдываясь.

Маша улыбнулась.

Кафе показалось слишком ярким. Жёлтый свет из окон стекал на мокрый снег мутным топлёным маслом. Над дверью горела вывеска «Вель» с чуть кривыми буквами. Рядом стояли две фуры, легковушка с открытым багажником и наш автомобиль, покрытый белой мокрой крупой.

Внутри всё так же пахло котлетами, сладким чаем, мокрой одеждой и дорожным кофе — его здесь пили, чтобы про-

ехать ещё сотню километров.

Женщина протираля столы, не поднимая на нас глаз.

Мы сели за тот же стол у окна. Леса отсюда уже не было видно — только парковка, фуры, край дороги и серое небо, в котором мокрый снег начинал густеть.

Маша сняла капюшон, размотала шарф, пригладила наэлектризованные волосы и вдруг посмотрела на пальцы.

— Пахнет.

— Чем?

Она протянула руку. Я наклонился.

От её пальцев действительно пахло дымом: не табаком, не печкой, не тем дымом, что шёл из труб у домов. Горький хвойный запах держался тихо и упрямо.

— Мы к костру не подходили, — сказал я.

— Я помню.

Фродо под столом улёгся мне на ботинки. Мокрая шерсть постепенно согревалась, и от него пошёл обычный собачий запах — живой, тёплый, немного болотный.

Маша взяла бумажную салфетку, повернула к себе чистой стороной и почти написала что-то пальцем, без ручки. Потом смяла.

— Не записывается? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет. Пока не надо.

— Почему?

— Записать — уже первый шаг к тому, чтобы поделиться.

А делиться можно только своим.

— Разве это не наше?

— Мы это видели. Но ещё не прожили.

— Да, надо переварить...

— Чтобы стало своим.

— А потом можно поделиться?

— Потом — можно.

— А если раньше? — Я улыбнулся.

Маша улыбнулась в ответ.

— Станешь блогером.

Она взяла стакан обеими руками. Чай был в толстом стекле, слишком горячий для пальцев, и она держала его через салфетку.

Я посмотрел в окно.

— Дальше поедem медленно, — сказал я.

— Из-за погоды?

Я посмотрел в сторону леса.

— Не только.

Маша поставила стакан.

— Ты не испугалась? — спросил я.

Она немного подумала.

— Нет. А ты?

— Тоже нет.

Я вспомнил, как протянул к ней руку.

— Я хотел дотронуться. Убедиться, что она настоящая.

— Я знаю.

Я снова увидел спокойное движение головы. Она просто не позволила сократить расстояние.

Пока.

Когда мы вышли к машине, мокрый снег пошёл гуще. Не метелью ещё, а ровным плотным письмом по стеклу.

Я открыл багажник, проверил сумки, термосы, пакет с едой и полотенце для Фродовых лап. Маша помогла ему запрыгнуть на заднее сиденье; он сделал вид, что сам бы справился, но всё равно позволил подтолкнуть себя под живот.

Фродо устроился на подстилке и тяжело выдохнул: мистическую часть дня он, кажется, считал завершённой.

Я сел за руль.

Первые минуты мы не ехали: стекло отогревалось, дворники лениво сдвигали мокрый снег в стороны, из вентилятора шёл тёплый воздух с запахом пыли и дороги.

— Готовы? — спросил я.

— Да, — сказала Маша.

Фродо вздохнул сзади так, будто тоже ответил.

Я посмотрел в зеркало, дождался, пока по трассе пройдёт фура, и вывел машину с парковки. Колёса мягко хрустнули по мокрой снежной каше. Кафе осталось справа, потом позади. Вывеска «Вель» мигнула между деревьями и пропала.

Лес снова сомкнулся вдоль дороги.

Через несколько километров Маша тихо сказала:

— Она сказала «мой Север».

Я не отрывал глаз от дороги.

— Слышал.

— Не «Север». Не «наш». Не «этот». Мой.

Я уже хотел сказать что-то умное про это «мой», но машина подпрыгнула на неровности, чай плеснул мне на пальцы.

— Чёрт, горячо.

Маша засмеялась первой. Тихо, носом.

Фродо спал. Маша, откинувшись, смотрела в боковое окно. Я вёл машину ровно, держа руль обеими руками.

Дорога уходила дальше на север — туда, где за лесами и реками всё ещё звучало огромное холодное слово:

Архангельск.

Шарф всё ещё пах можжевелевым дымом.

Глава 2. Тамара — Фродо — Маша

Незадолго до дороги на Север.

Часть 1. Тамара

Дверь за Тамарой захлопнулась, а я так и остался стоять в прихожей — с руками, которые не успел опустить.

Я хотел обнять её на прощание. Прижать к себе, успокоить, словно одно объятие могло отменить всё сказанное за последний час. Но она вихрем прошла по квартире, похватила свои вещи и вылетела за дверь, даже не оглянувшись.

Я живо представил её: сначала в лифте — с неестественно прямой спиной, потом в такси — с плотно сжатыми губами, наконец дома — рыдающей в подушку.

Возможно, она вовсе не плакала. Но в ту минуту мне хотелось верить, что ей тоже больно.

Мне было искренне её жаль. Но ей нужно было не моё тепло. Ей нужно было, чтобы я играл по её правилам и считал их нашими.

Тамара вообще умела командовать, а я плохо переносил, когда командовали мной. Отношения постепенно превратились в перетягивание каната: кто главный, чьё решение последнее, кто на этот раз уступит. За год мы оба успели изрядно об него стереть ладони.

В общем, сам виноват. Канат всегда держат двое.

И всё же вместе с пустотой пришло облегчение. Всё произошло. Больше не нужно было ждать, когда она уйдёт.

С женщинами мне всегда было легко сходиться. Я быстро открывался и часто ошибался. Мне хотелось спутницу, с которой можно говорить о текстах, ехать неизвестно куда, молчать после тяжёлого дня. Но почему-то я выбирал яркость и напор — всё то, что сначала восхищало, а потом начинало теснить.

Хотя дело, конечно, было не только в Тамаре. Я приходил в отношения со своими ожиданиями — иногда слишком точными, слишком похожими на готовый сценарий. Живому человеку в них не всегда оставалось место.

Уходя, Тамара забрала кофейные чашечки, которые сама принесла в прошлом году. Это оказалось кстати: я как раз собирался завязать с кофе. Никогда его особенно не любил, но за последние три-четыре года успел пристраститься.

Тело давно просило воды или хотя бы чаю, а рука всё тянулась к кофеварке.

Поэтому на следующее утро за завтраком я наконецпил чай.

На столе стояли творог с ягодами, тосты и чашка красного чая. Я любил завтракать вдвоём, но Тамара редко оставалась на ночь. У неё был свой режим, свой ритм, свои представления о том, как надо спать, любить — в общем, жить.

А если оставалась, утром с ней сложно было договориться о еде. Как-то в поездке я с неподдельным ужасом наблюдал, как Тамара доедала на завтрак картошку с мясом.

Зато ей нравился кофе, который я варил. И моя выпечка.

Сама она готовить не любила. Еда вообще занимала её гораздо меньше, чем меня.

Впрочем, у нас были и замечательные моменты. Бурная страсть первых недель. Долгие вечерние разговоры: общие книги и музыка, знакомые и почти совпадающие воспоминания о юности, которые мы с изумлением обнаруживали во время первых, ещё осторожных попыток сблизиться.

Я был благодарен Тамаре за всё это. И всё же на жизнь и отношения мы смотрели с разных сторон.

Я, например, мог встать и уйти с концерта в середине второго отделения. Не потому, что мне не нравилось. Наоборот: в какой-то момент я понимал, что наполнен и больше уже не вмещу. Мне нужно было уйти, чтобы услышанное отстоялось и стало моим.

Для Тамары это было немыслимо. Она всегда выскребала упаковку до последней крошки.

То же самое было с выходными.

Я мог позвонить ей утром:

— А поехали сегодня в один подмосковный монастырь? Прочёл о нём на прошлой неделе, и меня с тех пор туда тянет.

В ответ раздавалось сдержанное шипение: такие вещи надо планировать заранее, следующие выходные ещё можно обсудить, а сегодня у неё театр. Потом начинался выговор за неуважение к её времени, планам и автономности.

— Ты не зовёшь меня. Ты уже решил, куда мы едем.

В театр она, разумеется, шла одна.

А я просто хотел разделить с любимой женщиной свой порыв. Хотел сказать: смотри, я нашёл что-то важное — поехали вместе.

Для театров, премьер и правильно распланированных выходов Тамара была почти идеальной спутницей. Я хотел человека, которого хотя бы иногда можно сорвать с места одним словом:

«Поехали».

Тамара таким человеком не была.

Поэтому, когда накануне за ней захлопнулась дверь, я выдохнул.

Но вслед за облегчением пришли грусть, боль и пустота. Несмотря на все разногласия — а возможно, и благодаря им, — мы успели врасти друг в друга. Теперь, сидя один на кухне, я ловил себя на том, что рука автоматически тянется к смартфону: посмотреть в мессенджер — однако я пытался опереться на пустоту...

Чтобы не открывать мессенджер, я открыл сайт прихода.

В периоды жизненных невзгод я ездил в Архангельское под Москвой. Не только ради прогулки по территории усадьбы и набережной, хотя вековые сосны и дубы, анфилады колонн и величественный вид на Москву-реку всегда действовали на меня почти магически.

Главным был небольшой, вросший в землю храм на самом обрыве. Храм Архангела Михаила.

Когда-то меня впервые привела туда учительница медита-

ции, у которой я брал уроки лет пятнадцать назад. Мы дружили, несмотря на ощутимую разницу в возрасте. Когда пять лет назад она ушла, для меня это стало большим ударом. Такого хука я до этого не получал.

Со временем боль стала тише.

Приезжая в Архангельское, проходя под графскими соснами и останавливаясь у старых стен храма, я чувствовал чьё-то присутствие. Оно неизменно помогало.

Позже, когда я начал приезжать один, я разглядел в храме икону Архангела Михаила — моего тёзки. И обратил внимание: каждый раз, когда я стоял перед ней, мне становилось как-то светлее.

А уже вместе с ясностью приходило облегчение.

Вот и сейчас я полез на сайт храма, чтобы проверить, во сколько на следующий день будет служба. Она начиналась в восемь утра. Я поставил будильник на шесть.

Я не ехал жаловаться на судьбу. Расставания случаются. Мне было больно, но сама по себе боль меня не пугала.

Беспокоило другое — ощущение, что всё это уже было, что я снова оказался в точке, которую когда-то проходил, и теперь опять собираюсь сделать тот же круг.

Надо было что-то менять.

Возможно — многое.

Я только не понимал, с чего начать.

После завтрака я открыл ноутбук. По субботам я любил работать до обеда. В мессенджере ждало сообщение от хоро-

шего делового знакомого. Он предлагал срочно встретиться и обсудить вопрос, который я просил провентилировать пару месяцев назад.

Похоже, крупный игрок на нашем рынке хотел купить мою компанию.

Часть 2. Архангел

Утро воскресенья было хмурым. Я ехал сначала по СВХ, потом по МКАД. Дороги пустовали: в такое время москвичи, не уехавшие на дачи, ещё спали.

Я слушал музыку и старался ни о чём не думать. Блюз подхватывал сонное сознание и нёс меня в сторону Архангельского.

Но мысли всё равно возвращались — то к Тамаре, то к бизнесу, то к моей жизни вообще.

На стоянке у входа в парк не было ни одной машины. Лиственницы раскинули длинные руки над тропинкой к входной арке. Я шёл по неровным булыжникам к храму и читал «Отче наш».

В голове ещё звучал блюз, и молитва странно смешивалась с чем-то похожим на баптистский гимн.

Я надеялся, что там, наверху, не против.

Прежде чем войти, я обошёл храм и остановился на обрыве.

Слева, у южной стены, белели крылья ангела над могилой молодой княжны Юсуповой. Справа куполом стояли вековые сосны. Впереди вилась Москва-река, дальше лежали заливные луга, а за ними лес уходил в бесконечность не только километров, но и веков.

В такие минуты легко было поверить, что время здесь

идёт иначе.

Я постоял ещё немного, затем развернулся и вошёл.

Храм встретил меня полумраком, мерцанием икон и запахом воска. Я купил две свечи и подошёл к Архангелу.

Хотел подобрать слова, рассказать о себе, о своей жизни, о метаниях, но, едва взглянув на икону, понял — слов нет.

Я будто вошёл в реку. Она подхватила меня и понесла сквозь время, а над ней стоял светлый лик Архангела.

Как мне жить дальше?

Я не знал.

Мне хотелось вверх, но я ещё не понимал, что готов оставить внизу.

Был ли я доволен своей судьбой? Грех жаловаться. Жизнь у меня была хорошая, хотя и не идеальная.

И всё же я словно заехал на огромный круговой перекрёсток и теперь раз за разом пропускал нужный поворот.

Из храма я вышел через полчаса и потом долго сидел на лавке. Молился или медитировал — не знаю.

Когда я снова вышел к соснам и ангельским крыльям, сквозь облака пробилося солнце. Я остановился и поднял лицо к свету.

Когда отпустило, пошёл обратно к машине.

Свет был.

Знака не было — по крайней мере, я его не увидел.

Всю следующую неделю я занимался подготовкой к сделке. Всё двигалось на удивление быстро. Мы почти сразу до-

говорились о цене, а переоформление должно было занять всего пару недель.

Почти чудо.

Я сам просил прощупать возможность продажи, но, когда покупатель действительно появился, мне стало не по себе. Компания, которой я отдал несколько лет жизни, могла за считанные недели стать чужой.

И всё же, часами сидя с аудиторами, финансистами и бухгалтерами, листая таблицы, готовя справки, разговаривая с клиентами и сотрудниками, я жадно всматривался и вслушивался.

Мне казалось, Архангел услышал мой вопрос. Ответ был где-то рядом, почти касался меня, но каждый раз соскальзывал с пальцев, стоило попытаться превратить его в слова.

Так прошла неделя.

Я всё искал реку, стоя в ней по пояс.

А в следующее воскресенье в моей жизни появился Фродо.

Часть 3. Фродо и Маша

Хотел ли я собаку?

Да.

Но это было абстрактное желание — из тех, что живут рядом с мечтой о домике у моря или поездке в Аргентину. Приятно думать, но не обязательно осуществлять.

А потом всё произошло с такой скоростью, словно решение давно приняли без меня.

В субботу вечером я открыл сайт объявлений: хотел посмотреть, продаётся ли одна компьютерная железяка, и случайно увидел его.

Он был маленький, но уже с бородкой. Спокойный, немного флегматичный. Другие щенки на видео возились и азартно мутузили друг друга, а он сидел чуть в стороне. Словно у него была своя, отдельная миссия.

Имя пришло почти сразу.

Фродо.

Наутро я посмотрел на него ещё раз и почти не колебался. Позвонил хозяйке, Ирине, и поехал в Подольск забирать его домой.

Мы быстро привыкли друг к другу. Пелёнки, корм. Погрызенная полка и пара книг — вот, пожалуй, и все его шалости. И мокрый нос, который будил меня по утрам.

Через две недели сделка по продаже компании подходила

к концу, а я, засыпая, уже автоматически ловил пяткой Фрэндо у себя в ногах.

А в конце апреля появилась Маша.

Мы оказались рядом на концерте одной фолк-рок-группы — в первом ряду, прямо перед сценой.

Я всегда выбирал первый ряд, когда мог. Меня не смущало, что иногда приходилось задира́ть голову. Важно было сидеть прямо перед исполнителем, так близко, чтобы между нами почти ничего не оставалось: ни рядов, ни чужих затылков, ни лишнего расстояния.

Маша, как выяснилось, тоже выбрала первый ряд не случайно.

Она сидела рядом — прямая, собранная, с внимательным лицом. Не из тех, кто приходит на концерт «потусоваться». Слушала так, будто за словами пыталась расслышать место, из которого пришла песня.

На одной из тихих баллад она так сосредоточилась, что почти перестала дышать. Казалось, любое движение могло спугнуть что-то невидимое, возникшее между сценой и залом.

Когда песня закончилась, Маша повернулась ко мне:

— У него голос как дорога.

Я усмехнулся.

— В смысле?

— Не знаю. Не место, куда приходишь. Именно дорога. Как будто он не поёт, а ведёт.

В середине второго отделения я почувствовал, что больше не могу слушать. Всё нужное уже произошло.

У гардероба стояла Маша.

— Тоже всё? — спросил я.

Она кивнула.

— Если остаться, начнётся уже поверх.

Мне понравилось, как она это сказала.

Мы оделись, вышли на улицу и как-то естественно пошли гулять по набережной.

Вечер был прохладный. Вода темнела внизу, фонари дрожали в ней длинными полосами.

Я начал говорить о музыке, потом о текстах, потом — сам не заметив как — о том, что в последнее время мне всё чаще кажется: места могут звать человека.

Маша не удивилась.

Она шла рядом, засунув руки в карманы, и смотрела не на меня, а на воду.

— Могут, — сказала она.

— Ты так спокойно это говоришь.

— Потому что, кажется, понимаю.

— И что тогда делать?

Она пожала плечами.

— Сначала не мешать.

Это было совсем не то, что я ожидал услышать.

Обычно люди отшучивались, требовали подробностей или тут же рассказывали похожую историю о себе. Маша не

стала делать ничего из этого.

Она просто оставила моим словам место.

И мне стало легче дышать.

С ней не приходилось заранее защищать каждую мысль или доказывать право на внезапный порыв. После Тамары я особенно остро чувствовал, каково это — не бороться за каждый поворот разговора.

Позже я начал давать Маше свои наброски. Она читала молча, делала пометки, иногда долго смотрела на один и тот же абзац.

Однажды она вернула мне распечатку.

Я приготовился к обычному разбору: тут длинно, тут неясно, тут красиво, но лишнее.

Вместо этого Маша сказала:

— Здесь ты объясняешь то, что уже показал.

И ткнула пальцем в середину страницы.

— А здесь наоборот. Здесь надо задержаться. Ты слишком быстро уходишь от того, что сам нашёл.

Я перечитал абзац и понял, что она права.

Маша тоже писала — в основном стихи. Я любил читать их вслух, а она каждый раз закрывала лицо ладонями.

— Не надо. Они не для чтения вслух.

— Они именно для чтения вслух.

— Ты всё портишь интонацией.

— Я улучшаю.

— Ты сам в это веришь?

— Абсолютно.

Она смеялась, но всё равно слушала. Я читал — иногда нарочно слишком торжественно, иногда почти шёпотом. Постепенно Маша переставала прятать лицо. Как-то раз, взглянув на неё, я вспомнил тот первый концерт. Она сидела рядом и смотрела в сторону, будто стихи были не её, а чьи-то ещё, и ей тоже предстояло понять, откуда они пришли.

Мы стали проводить вечера вместе. Если появлялись новые тексты, обсуждали написанное. Если текстов не было — рассказывали друг другу, как прошёл день, и шли гулять с Фродо.

С Фродо они сошлись сразу.

В первый вечер, когда Маша пришла ко мне, он настороженно вышел из комнаты, остановился в коридоре и посмотрел на неё снизу вверх. Обычно в такие моменты Фродо либо лаял, либо изображал полное равнодушие.

Маша присела на корточки и протянула руку ладонью вниз.

— Здравствуй, — сказала она серьёзно. — Ты, видимо, главный.

Фродо понюхал её пальцы, потом рукав, потом шнурок ботинка. После этого вздохнул, как старик, которому всё стало ясно, и положил голову ей на колено.

— Ну вот, — сказала Маша. — Договорились.

И это радовало меня чуть ли не больше всего.

Глава 3. Икона — Карта — Выезд

Часть 1. Икона

Я давно хотел икону Архангела Михаила.

Но сколько ни смотрел икон в церквях, монастырях и лавках, никак не мог найти свою. Я вглядывался в лики, вслушивался в них, пытался уловить то внутреннее дрожание, которое каждый раз чувствовал в Архангельском, — и не находил.

Мне хотелось именно старую икону. Не современный список и тем более не печатный образ. Такую — на старой доске, с потемневшей позолотой.

Настоящую.

Тогда я ещё не замечал, сколько самоуверенности было в этом слове.

При случае я заходил в музеи, листал каталоги. Несколько раз даже писал в иконописные мастерские — спрашивал, можно ли сделать список с заинтересовавшего меня образа. Почти соглашался на то, чего не хотел. Но до заказа так и не дошло.

Сделка по продаже бизнеса двигалась быстро: ещё пара дней — и я свободен. А знака от Архангела всё не было.

Зато всё чаще в наших разговорах с Машей стала прояв-

ляться тема Севера.

— Что для тебя Север? — как-то с порога спросила она.

— Ну... — протянул я. — Нордическая мифология... русский северный фольклор... Карелия...

Я начал невнятно перечислять и сам услышал, как слабо это звучит.

— А что?

— Мне сегодня снился северный лес, — сказала Маша и замолчала.

Потом добавила:

— И знаешь, во сне я гуляла босиком по мшистому, залитому солнцем, могучему сосновому бору. А когда проснулась, вдруг поняла, что хочу написать песнь про Север. Не просто песнь, а...

Она задумалась.

— Гимн. Заклятие. Заговор. Не знаю. Не просто песнь.

Я с удивлением посмотрел на Машу. Лицо её светилось.

С того дня Север начал лезть отовсюду. Буклеты с турами на Северный полюс. Песни про Север из колонок. Неожиданные рассказы знакомых про поездки на Север. И даже последние подписи по сделке мы с покупателями ставили в переговорке «Архангельск» — в модном офисе в Сити, где всё вокруг было стеклянное, дорогое и совсем не северное.

Когда я поделился этим с Машей, она посмотрела на меня с прищуром и бросила:

— Та же фигня.

Маша была аспиранткой и писала диссертацию о кельтской поэтике. Она была легка на подъём, и после завершения сделки мы собирались надолго уехать в Ирландию — путешествовать вдвоём, объехать остров и заодно собрать материал для её работы. Если всё сложится, на несколько дней Маша присоединится к экспедиции своего научного руководителя на Скеллиг-Майкл — остров-скалу у западного берега Ирландии, куда когда-то уходили монахи-отшельники: подальше от людей, ближе к океану и Богу. Экспедицию ещё не подтвердили, но мы заранее оставили для неё место в маршруте.

Знака всё не было, хотя после того посещения храма прошло уже почти два месяца.

И вот документы были подписаны, билеты на самолёт забронированы. Вечером мы открыли бутылку шампанского и выпили по бокалу за новую главу в нашей жизни.

А наутро пришло электронное письмо.

Писал владелец иконной лавки в Вологде. Я уже почти забыл, что оставлял у него запрос на старый список с иконы Архангела Михаила XII века.

В Ферапонтове, писал он, у одного человека хранится старая икона Михаила — возможно, список с той самой иконы. Точную дату он определять не брался, но утверждал, что образ старый и очень сильный.

«По фотографии всё равно не поймёте».

Хозяин не выставлял икону на продажу, однако соглашал-

ся показать.

«Если образ и человек окажутся нужны друг другу, он, возможно, согласится поговорить».

Внизу стоял адрес: село Ферапонтово Вологодской области.

По описанию икона должна была стоять дорого. Ещё месяц назад это, скорее всего, меня остановило бы. Но теперь, после продажи компании, я вдруг подумал: а ведь могу себе это позволить.

Я развернул ноутбук к Маше.

Она прочитала.

Фродо пришёл из коридора и лёг между нами.

И тут смартфон на столе завибрировал, и я нехотя, словно в трансе, открыл СМС: вчерашняя бронь на билеты не прошла.

— Это просто сбой брони, — сказал я. — Можно перезабронировать.

Маша не ответила.

— Мы же собирались в Ирландию, — продолжил я. — Твоя диссертация. Кельтская поэтика. Всё это.

— Да, — сказала она. — Собирались.

— А тут какой-то человек без телефона. Какая-то икона. Ферапонтово. С собакой. На машине. И вообще непонятно зачем.

— Понятно, — сказала Маша.

— Что понятно?

Она помолчала.

— Что непонятно зачем.

Я даже рассмеялся.

— Это звучит безумно.

— Да.

Мы помолчали.

Я снова посмотрел на письмо, на адрес, на слово «Ферапонтново», потом — на СМС с непрошедшей бронью.

— Какие же мы дурные, — вдруг сказала Маша.

— Мы ещё никуда не поехали.

— Но ты уже думаешь, как сложить вещи в багажник.

Я хотел возразить, но не смог.

Маша тихо рассмеялась.

— А я всё думала, с чего начать песнь про Север.

— И?

Она посмотрела на письмо, потом на карту, потом на меня.

— Кажется, Север начал первым.

Часть 2. Карта

Мы сидели на кухне в моей квартире и смотрели на карту. Нас тянуло на Север — это мы знали уже давно. Теперь — пусть и с запозданием — мы поняли другое: нам туда было нужно.

Но маршрут пока не складывался.

В Ферапонтово мы ехали точно — за иконой. О самом месте я, конечно, слышал: фрески Дионисия, монастырь и что-то ещё, смутно помнившееся из книг, разговоров и старых путевых заметок.

Маша подошла к вопросу серьёзнее. Открыла сразу несколько вкладок: карту, сайт музея, несколько блогов, фотографии монастыря, старые тексты. Увеличивала снимки, возвращалась к карте, снова читала описания.

Ферапонтово постепенно переставало быть точкой на маршруте и начинало проступать как место.

За фресками Дионисия открывались другие имена: Ферапонт, Кирилл Белозерский, Нил Сорский. Озёра, реки, волоки, монастыри и скиты начинали связываться между собой.

Маша копала глубоко и с вдохновением зачитывала мне то отрывки из записок путешественников, то жития святых, то музейные описания.

Сначала я слушал вполуха. Потом поймал себя на том, что уже не могу оторваться. Имена, которые прежде я знал толь-

ко по касательной, вдруг выстраивались в какую-то общую систему.

Не отдельные точки.

Сеть.

— Такое чувство, что у этого места есть своя карта, — сказала Маша.

— В смысле?

— Не туристическая. Другая.

Я посмотрел на экран. На синие пятна озёр, тонкие линии дорог, названия.

Ферапонтово. Кириллов. Белозерск. Сиверское озеро. Нило-Сорская пустынь.

За ними вставали леса, реки, монастыри и одинокие кельи. Люди уходили сюда из больших городов, рубили деревянные церкви, ставили скиты. Потом вокруг них вырастали обители и поселения, приходили крестьяне, бояре, князья.

Но всё это было внешним.

Главное, казалось, происходило внутри.

Я ещё не мог назвать это точнее. Только чувствовал: эти люди не просто строили монастыри посреди лесов. Они входили в эту землю — в её холод, воду, мох, долгую зиму и короткое лето — и что-то в ней зажигали.

Если долго смотреть на карту, отдельные огни начинали складываться в невидимый собор — не из камня, а из лесов и рек, озёр, холмов, болот и облаков.

Я поймал себя на этом образе и даже смутился.

Слишком красиво.

Слишком рано.

Мы ведь ещё никуда не приехали. Всего лишь сидели на кухне перед ноутбуком — среди чашек, проводов, записей, недоеденного печенья и Фродо, дремавшего под столом.

Но этот мир уже приоткрылся нам — не до конца, только щелью. И от этого притягивал ещё сильнее.

Мы помолчали.

— Архангельск, — вдруг произнесла Маша.

Тихо, словно пробуя слово на вкус.

— Он не просто так всё время появляется.

— Но это почти тысяча километров от Ферапонтова, — сказал я, стараясь рассуждать разумно.

— Я знаю.

— И у нас там нет никакого дела.

— Нет.

— И никто нас туда не зовёт.

Маша посмотрела на меня.

— А тебе правда так кажется?

Я не ответил.

Слово «Архангельск» стояло передо мной странно. Оно одновременно манило и пугало. От него холодело где-то под рёбрами — как от огромной сверкающей звезды, которой хорошо любоваться с расстояния, но к которой совсем не хочется приближаться.

— Я не знаю, нужно ли нам туда, — сказала Маша. — Но когда смотрю на это слово, у меня такое чувство, что оно смотрит в ответ.

— Это звучит совсем безумно.

— Да.

— У нас собака.

— У нас Фродо.

— Это меняет дело?

— Конечно.

Я рассмеялся. Напряжение немного отпустило.

— Деньги, ночёвки, дорога, работа, твоя учёба...

— Ирландия никуда не денется.

— А Архангельск?

Маша пожала плечами.

— Не знаю. В том-то и дело.

Она сказала это без уверенности, и именно поэтому мне стало ещё неудобнее.

Если бы Маша настаивала, я мог бы спорить. Если бы говорила как пророчица, я мог бы раздражаться. Но она просто сидела рядом, смотрела на карту и не притворялась, что всё понимает.

— Давай так, — сказал я наконец. — Сначала Ферапонтово. Икона. А дальше посмотрим.

— Сначала Ферапонтово, — согласилась она.

К ночи первая часть пути уже начала складываться. Белозерье больше не казалось чужим краем на карте — в нём

было что-то тёплое.

Дальше дорога словно упиралась в слово, которое мы пока не решались произнести как пункт назначения.

Архангельск.

Город Архангела.

Нам ещё предстояло его разгадать.

Если мы до него доедем.

Мы пошли гулять с Фродо. Он бежал впереди и уверенно выбирал дорогу в тёмном парке, мягко ступая по первой весенней траве. Словно напоминал нам: по земле не головой ходят. Лапами.

Часть 3. Выезд

Вечером перед выездом мы ходили по квартире и собирали вещи.

У книжного шкафа, рядом с Машиными книгами по этнографии, стоял небольшой бубен, обтянутый светлой кожей, — бодран. Маша купила его, когда мы готовились к Ирландии: хотела научиться играть, чтобы вернуться оттуда с ритмом, а не только с материалом. Иногда она простукивала на нём стихи.

Я поднял его за ремень.

— Бубен тоже берём?

— Вообще-то бодран, — с улыбкой поправила Маша. — И да, берём. Ирландия отложились. А он — нет.

Упаковав сумки, мы сели пить чай. Я просматривал карту и маршрут: прикидывал, где заправиться, где пообедать и на каком участке Маша сможет сменить меня за рулём.

Она писала научному руководителю — просила перенести сроки работы над диссертацией.

— Точно? — спросил я, заглянув в её ноутбук.

Маша перечитала письмо и нажала «Отправить».

— Да. Мне тоже почему-то надо на Север.

Мы вышли из дома в пять утра.

Только рассвело. Над двором стоял лёгкий туман, на молодых листьях дрожали капли росы. Я носил сумки к маши-

не и краем глаза наблюдал за Машей. Встать в половине пятого без единой жалобы — уже достижение.

Она раскладывала по машине термосы, бутерброды и всякие мелочи, без которых дорога быстро превращается в маету. Фродо помогал энтузиазмом: бегал от меня к Маше, от подъезда к машине и обратно, всем видом показывая, что без него мы бы точно ничего не собрали.

Я люблю выезжать в светлую половину года с первым солнцем — в четыре, пять, полшестого. Природа к этому времени уже проснулась, а город ещё нет. Потом появляются собачники, выедут автомобили, начнутся пробки, сутолока, утренний гул. Но если встать рано, можно выскользнуть прежде, чем всё это сомкнётся вокруг тебя.

Когда мы выезжали со двора, я на секунду посмотрел в зеркало заднего вида.

Дом стоял на месте. Подъезд был тот же. У мусорных баков сонно возился дворник.

Всё было обычным.

И именно от этого стало немного не по себе. Обычная жизнь оставалась за поворотом, а впереди начиналась поездка, о которой мы почти ничего не знали.

Перед съездом на Ярославское шоссе мы с Машей переглянулись.

В её глазах читался невысказанный вопрос:

Мы точно понимаем, что делаем?

Я кивнул.

И повернул руль.

Ярославское шоссе уходило в утреннюю дымку.

Перекусить и выпить чаю мы остановились на заправке примерно через час. Солнце уже поднялось и бликовало в стеклянной витрине. Залив полный бак, мы взяли пирожки и чай: почему-то не хотелось сразу после выезда распаковывать припасённые бутерброды и открывать термосы.

Дорога в область была пустой, и в кафе мы сидели почти одни. Только в углу молча пил кофе пожилой водитель «Газели».

— Как у тебя с песнью? — спросил я Машу.

Она задумалась.

— Не знаю. Я её чувствую. Словно она где-то впереди, а я ещё не могу разобрать слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.